

Роман Глушков

Головы на копьях

Найти и обезглавить!

ТОМ 2

Роман Глушков
Найти и обезглавить!
Головы на копьях. Том 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19057804
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Продолжение жестокого дарк-фэнтезийного боевика о похождениях вояки-кригарийца Баррелия ван Бьера и его приятеля Шона. Золотая война, что началась после разграбления банков Вейсарии, идет в самом разгаре. Легионы эфимского тетрарха Вальтара Третьего бьются с армией короля южан Георгиуса Солнечного, а у северной границы Эфима уже точат мечи готовые ударить в спину Вальтару островитяне. Отстав от своего отступающего легиона, Баррелий и Шон затесываются в отряд эфимских наемников, что выполняют секретную миссию в тылу армии южан. Однако не все так просто, как выглядит на первый взгляд. И как бы ван Бьеру и Шону не пришлось горько пожалеть о том, что они участвуют в этом кровавом рейде...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Роман Глушков

Найти и обезглавить!

Головы на копьях

Том 2

«Нет в мире страшнее и смертоноснее этой дороги. Лишь те из нас, кто думал о завтрашнем дне и тщательно глядел себе под ноги, узрели конец нашего путешествия».

Курсор Николиус, «Четвертый путь через Каменную Гарь»

Пролог

Сложно напугать человека на войне отрубленной головой, когда они валяются повсюду: на полях сражений, в разоренных городах, на эшафотах и в могильниках. Однако голова, выкатившаяся под ноги четверем южанам-фантериям из палатки госпитального лагеря, повергла их в смятение. И они застыли на месте, несмотря на то, что были солдатами, пролившими сегодня немало эфимской крови.

Причина, по которой они замешкались, была простой – отрубленная голова принадлежала их товарищу. Причем она находилась на плечах, когда тот вошел в палатку. А теперь его голова тарасилась мертвыми глазами в затянутое дымом небо и изливала в грязь остатки крови. И никто не слышал перед этим ни предсмертного крика, ни проклятий, ни шума разыгравшейся внутри драки.

До южан донеслись лишь три глухих удара. Первый ознаменовал перерубание шеи жертвы, второй – падение на пол ее головы, а третий – падение самого тела. После чего убийца фантерия, не сказав ни слова, пинком вышвырнул его голову наружу. И вовсе не из чувства брезгливости. Это было недвусмысленное предупреждение – такая же участь постигнет любого, кому еще вздумается сунуться в палатку.

Впрочем, мешкали солдаты недолго и предупреждению не вняли. Как раз наоборот, это озлобило их еще сильнее.

Переглянувшись и кивнув друг другу, они дружно заорали и ринулись в атаку. И лишь один из них устремился во вход. Остальные трое, распоров мечами палатку, ввалились в нее с разных сторон, дабы окружить бросившего им вызов противника.

На сей раз без криков и брани не обошлось. Да и ударов, а также прочих шумов раздалось гораздо больше.

Палатка была грязная и пропитанная брызгами запекшейся крови. Еще вчера хирурги легиона делали здесь свою работу: зашивали раны, вытаскивали из тел стрелы, ампутировали конечности... И вот теперь к старым кровавым следам добавились свежие. Более яркие и размашистые – так, как на рисуемой художником картине добавляются новые мазки. Разве что эта картина выглядела чересчур отвратно и не радовала глаз.

Первым после недолгого отсутствия показался на глаза фантерий, который вторгся в палатку через вход. Правда, вышел он иным путем – через одну из прорезанных дыр. Точнее говоря, не вышел, а выпал с наполовину перерубленной шеей и распластался ниц, орошая грязь кровью.

Следом за ним появился его соратник. Только он не выпал, а выполз из соседней дыры, волоча за собой кишки, торчащие из распоротого брюха. Далеко он тоже не сбежал. Выползти из прорехи у южанина хватило сил, но вытащить за собой свои внутренности – уже нет. И он тоже остался лежать возле палатки, издавая протяжные стоны, которые ста-

новились все слабее и слабее.

Это был последний из фантериев, выбравшихся обратно. Двое других снаружи так и не показались. Какое-то время в палатке еще раздавались шум и вопли, но вскоре стихли и они. Последним оттуда донеслось истощенное верещание, оборвавшееся так резко, словно орущему крепко зажали рот. Или, что более вероятно, срубили голову одним ударом также, как первому южанину.

Палатка стояла на отшибе – как раз затем чтобы крики угодивших на стол к хирургам раненых не досаждали другим обитателям лагеря. Где сейчас тоже лилась кровь, вспарывались животы и глотки и разлетались отрубленные конечности. С той лишь разницей, что там уже фантерии вырезали всех, кто не успел сбежать за отступающим на север, эфимским легионом «Вентум». А таковых бедолаг оказалось много. Дабы не угодить в окружение, потрепанному южанам «Вентуму» пришлось отступать в жуткой спешке. И командир легиона, генерал Маларий Брасс принял нелегкое решение – бросил не способных передвигаться раненых на милость противника. Бросил, хотя почти не сомневался: в разгар зимы, после засушливого лета промониторцы не оставят их в живых – своих бы раненых не уморить голодом, не говоря о чужих...

Так и случилось. И теперь нагрянувшая в лагерь «Вентума» пехота южан обагряла свои мечи кровью тех, кто не мог оказать ей сопротивление.

Впрочем, нашлись здесь и те, кто не собирался облегчать южанам их задачу.

Баррелий ван Бьер, он же Пивной Бочонок, один из пяти-рых оставшихся на свете монахов-кригариЙцев, откинул полог палатки и, опираясь на костыль, выглянул наружу. Кости его сломанной в начале осени ноги срослись, и он мог уже ходить без подпорки. Но в пережитой им только что схватке заживающая нога натрудилась и разболелась с новой силой. Поэтому ван Бьеру снова пришлось взяться за костыль, так как он не мог сейчас присесть и спокойно отдохнуть.

Во второй руке кригариец держал короткий эфимский меч, с которого стекала на землю свежая кровь.

– Ну что там? Все очень плохо? – спросил я, стаскивая с пальца зарубленного Баррелием южанина золотой перстень. В приоткрытом рту мертвеца также поблескивали золотые зубы, но вырвать их у меня, тринадцатилетнего мальчишки, духу не хватило. Да и времени тоже – враг налетел на лагерь слишком внезапно. Находишься мы в тот момент с другими ранеными, нас, скорее всего, ждала бы подобная участь.

– Большая Небесная Задница во всей своей красе – что там еще? – отозвался Пивной Бочонок. – Южан слишком много, закопай их Гном. И когда они поймут, что эти четверо мертвы, сюда заявятся другие. Если сейчас же не сбежим к реке, следующего шанса они нам не подарят.

– Тогда бежим, чего ждать-то! – сказал я. – Ты обопрись на тележку, а я покачу ее вниз по склону. Тропу, что идет

вдоль реки, я вчера осмотрел. Она заканчивается у леса, и на ней южан точно не будет.

– Что ж, ладно, – согласился ван Бьер. После чего, задержав полог, доковылял до противоположного края палатки и прорезал в ней мечом еще одну дыру. – А вот и выход!.. Эх, жаль, что кроме харчей мы не приберегли для себя лошаденку. Терпеть не могу ездить верхом, но сейчас я лучше бы трясся в седле, чем хромал на своих двоих...

Глава 1

Начало войны между Эфимом и Промонторией – Золотой войны, как ее вскорости назовут, – застала нас в Фирбуре – вейсарской горной деревушке, где Баррелий сошелся в бою с изменником-кригарийцем по прозвищу Чернее Ночи, и где тот сломал ему ногу. Что стало затем с самим Чернее Ночи, я, пожалуй, скромно умолчу. Скажу лишь, что беспокоиться о нем у нас отпала нужда. А вот покалеченная нога ван Бьера вызывала опасения, и ее требовалось срочно спасать. Что и было доверено фирбурской знахарке. Не слишком толковой, зато собаку съевшей на переломах – самой распространенной травме горцев всего мира.

Красные щиты легиона «Вентум» заполонили Фирбур спустя две недели после этого. Тогда, когда армии тетрарха Эфима Вальтара Третьего и короля Промонтории Григория Солнечного уже бились под Кернфортом и другими вейсарскими городами. Само собой, до генерала Малария Браса быстро дошли слухи о находящемся в деревне, раненом кригарийце. Брасс даже не поленился сам навеститься к отлеживающемуся у знахарки ван Бьеру, где у них состоялась доверительная беседа за закрытыми дверьми. Хотя мне ее результат был известен заранее, поскольку Баррелий ожидал этого разговора и знал, чем он закончится.

Ввязавшемуся в большую войну Вальтару Третьему был

нужен кригариец и его меч. А монах культа древней богини войны Кригариин не мог не принять участие в столь эпохальном событии. Не мог, пусть даже культ Кригариин давно умер, а ее последние адепты превратились по сути в обычных наемников. Которые считали себя вправе выбирать сторону, на какой им воевать. Вот только сегодня у ван Бьера не было выбора. И не потому, что эфимцы добрались до него раньше. Просто в недавней войне, что шла в Промонтории, и где ему довелось участвовать, он крепко набедокурил. И с тех пор опасался, что Григориус Солнечный не простит ему этого, даже предложи ему Баррелий сегодня свои услуги.

Досадно, конечно, что в Фирбуре эфимцам достался покалеченный кригариец, не способный выйти на поле боя. По крайней мере, до весны. Но генерал Брасс был рад и такому неполноценному подарку. После объявления войны в легион призвали много новобранцев, которым требовалась ускоренная боевая подготовка. И никто не преподавал бы им ее лучше, чем кригарийский наставник.

Ну а Баррелию, который не желал до конца своих дней остаться хромоногим, позарез требовалась помощь хирургов легиона. На фирбурскую знахарку, как на костоправа, особой надежды не было. Она худо-бедно соединила кости и не допустила гангрены. Но чтобы эти кости затем правильно срослись, монаху был необходим более опытный врачеватель. Такой, какими славилась эфимская армия, чьи лекари уже не раз ставили кригарийца на ноги.

В общем, Маларий и ван Бьер ударили по рукам, и последний примкнул к «Вентуму». Прихватив, разумеется, с собой и меня, ибо что еще ему оставалось? После того, как он спас меня в Дорхейвене от убийц и взял на себя ответственность за мою жизнь, ему приходилось терпеть мое общество, хотя я честно старался не ему не докучать и во всем ему помогать.

Следующие несколько месяцев стали для меня новым испытанием на прочность. Или, если хотите, очередным этапом школы моей жизни. Жизни, которая швырнула меня из дворцовой роскоши в грязь, хорошенько по мне потопталась и, сбив с меня спесь, решила и дальше не давать мне передышки. За что она на меня ополчилась, я понятия не имел. Зато быстро усвоил ее главное правило: никакой справедливости на свете не бывает. И если вдруг судьба тебе улыбнулась, это еще ничего не значит, ведь уже завтра она вновь заставит тебя хлебать дерьмо. И повезет, если ложкой, а не пригоршнями.

Вторгшиеся в Вейсарию первыми, эфимские легионы вскоре начали теснить южан обратно к границе Промонтории. «Вентум» наступал на своем участке фронта, прикрываемый с запада и востока легионами «Игнис» и «Унда». И эти два месяца были для всех нас просто замечательными. Витающий над нами, пьянящий аромат побед не портили ни стоны раненых, ни доносящийся из госпитальных палаток смрад гниющих ран, ни грязь, по щиколотку в которой я теперь постоянно находился.

Вернее, мы находились, поскольку скачущий на костылях ван Бьер также отсиживался со мной в обозе. Это сказывалось на его настроении не лучшим образом. А поскольку утешать себя выпивкой на службе в легионе он не мог (хотя втихаря к бутылке иногда прикладывался), ван Бьер срывал свой гнев на новобранцах. И гонял их до седьмого пота и кровавых соплей – так, что в конце тренировок они едва держались на ногах и проклинали наставника на чем свет стоит.

Глядя на их мучения, я понял, насколько этот изверг был добр со мной, когда, служа еще моему отцу, пытался учить меня науке кровопускания. Вот и теперь мне везло – истратив всю злобу на новобранцах, он был уже не в силах бранить меня. Поэтому лишь ворчал и скрежетал зубами, когда я, бывало, поздно вато приносил ему ужин. Или не успевал подставить плечо, когда монах хотел на него опереться.

Я же только и делал, что бегал у него на посылках, меня лагерную грязюку стоптанными сапогами. Заводил себе новых знакомых, благо, находясь в тени кригариийской славы, это было нетрудно. Меня частенько угощали на кухне чем-нибудь вкусеньким, а прачки – из тех, которых Баррелий порой навещал по ночам, – соглашались постирать мою одежду. Оружейники позволяли мне точить оружие и стрелы на вращающемся наждачном камне (ну очень мне нравилась эта «искрометная» работа), а конюхи разрешали подкармливать лошадей оставшимися с обеда корочками хлеба. Охотники не раз брали меня с собой пострелять окрест лагеря

дичь и зайцев. А писари давали перо и чернила, радуясь, что у них есть добровольный помощник, пишущий под диктовку письма, которые легионеры посылали своим семьям в Эфим.

И только вечно суровые хирурги гнали меня взащей, когда я подглядывал в их палатку, где они возились с очередными ранеными.

Еще по вполне понятным причинам я избегал встречаться с легионными священниками – курсорами Туланием и Гириусом. Правда, им, эфимцам, было невдомек, кто я такой, и за что главный курсор Дорхейвена Илиандр приговорил меня к смерти. Но как бы то ни было, я все равно не рисковал. И не поднимал глаз, когда вместе с другими обозниками присутствовал на проповедях.

Жизнь в обозе побеждающей армии имела и свои тяготы, и прелести. Чего нельзя сказать об обозе армии отступающей. В ней никаких прелестей уже не осталось. Увы, но именно такой армией стал «Вентум», когда его победоносное шествие по северным землям Промонтории внезапно закончилось. А вместе с этим закончилось и мое спокойное существование.

Все произошло так, как Баррелий и предсказывал. Едва Вальтар Третий втянулся в войну на юге, как на севере, в Хойделанде, зашевелились островитяне. Их коварный король Гвирр не упустил случая и совершил очередное нападение на их с тетрархом спорные земли – северное побережье Оринлэнда. В связи с чем последний был вынужден за-

держат наступление на столицу Промонтории Альермо. И срочно перенаправил на север легионы, шедшие из Эфима на поддержку «Вентума», «Игниса», «Унды» и других, что сражались с войсками Григориуса Солнечного.

Решение Вальтара было разумным и взвешенным. Если бы легионы укрепились на завоеванных землях, они могли бы продержаться там до весны. А к весне Эфим разделался бы с высадившимися на материк островитянами и продолжил южную кампанию.

Однако планы тетрарха рухнули. Воспользовавшись более лучшим знанием местности, промониторцы отрезали эфимцев друг от друга, полностью окружив и разбив при этом «Унду» и еще два войска.

Генералам остальных легионов пришлось выбирать: или тоже погибать, потому что долго поодиночке они не выстояли бы, или отступить, отведя армии на более удобные пограничные позиции. При этом эфимцы теряли все земли, что им удалось завоевать в Промонтории. Но зато «Вентум», «Игнис» и остальные, перегруппировавшись, продолжают удерживать Вейсарию. Которую без них Солнечный завоеует буквально в считанные дни. И хорошо, если ограничится только ею, а не двинется дальше, на Эфим.

Генералы колебались недолго. И, не дожидаясь приказов из Тандерстада, повели войска обратно, пока враг не отрезал им все пути к отступлению.

Вот так за очень короткий срок я, мальчишка, пережил и

сладость побед, и горечь поражений. Ясен пень, что вторые мне понравились гораздо меньше. Потому что едва «Вентум» ударился в бегство, как моя жизнь в обозе превратилась в сущий кошмар.

В эти дни раненые в госпиталь поступали непрерывно. Их крики и стоны не смолкали ни днем ни ночью. Занятия с новобранцами больше не проводились, и Баррелий подвязался в помощники к хирургам, где теперь отчаянно не хватало рук. Умел он, конечно, немного – всего лишь зашивать раны да хладнокровно отрезать конечности. Но хирурги все равно были благодарны ему до глубины души. Ведь сегодня они только и делали, что резали и шили, резали и шили, резали и шили...

На каждой стоянке отступающего «Вентума» за палаткой хирургов появлялась куча ампутированных рук и ног. Которая после нашего ухода так и оставалась лежать и гнить, потому что сжигать ее было уже некогда.

А пока ван Бьер занимался своей кровавой, но благородной работой, я прислушивался к грохоту идущей вдалеке битвы. И глядел, как разбегаются из обоза мои добрые знакомые: маркитанты, прачки, охотники, повара... Я завидовал им, потому что они, счастливы, могли плюнуть на все и вырваться из этого ужаса. Тогда как кригариец и я по-прежнему оставались с легионом, который отступал с боями, неся каждодневные потери. И я боялся, что в конце концов мы тоже присоединимся к этим потерям, пуская мы и не сова-

лись в горнило боя.

Генерал Брасс принял жестокое, но вынужденное решение бросить не способных идти раненых на произвол судьбы, не известив их об этом. Забрав всех врачей, легион спешно покинул лагерь среди ночи, и к рассвету был далеко отсюда. С одной стороны Брасс поступил подло, но с другой совершил благо. И для раненых, которые так и не узнали о том, что их предали, гибель от мечей объявившихся здесь на рассвете промониторцев стала неожиданной и быстрой.

И надо же такому случиться, что я и ван Бьер тоже очутились среди этих брошенных несчастных!

Всему виной была усталость, сморившая монаха после нескольких бессонных суток работы в госпитале. Такая сильная усталость, что он заснул в итоге прямо в палатке с ранеными, не обращая внимания на их стоны. Я тоже намаялся за минувшие дни. И тоже спал без задних ног под нашей тележкой, укрывшись с головой одеялом. Поэтому никто обо мне и не вспомнил. Также, как о Баррелии, хотя в суете внезапного ночного отступления это было немудрено.

Тем не менее, проснулся он прежде чем в лагерь нагрянула беда.

– Вставай, парень!.. – Кригариец грубо вытащил меня из-под тележки, ухватив за лодыжку. – Плохи наши дела! Мы с тобой все проспали – легион ушел на север без нас. Слышишь рев промонторских горнов? Скоро южане будут здесь. И вряд ли нам удастся выдать себя за их друзей.

– И что теперь делать? – Спросонья я туго соображал, но жизнь в неустанной тревоге научила меня не расслабляться и быть готовым ко всему. – Бежать?

– Да, бежать. Но не за легионом, – ответил монах. – Первое, что сделают промониторцы, это отправят по его следам конницу. И если мы окажемся у нее на пути, нам конец. Короче, делай так: хватай тележку, дуй в крайнюю палатку, где я вчера работал – ту, что у самого берега, – и жди меня там. А я пока пробегусь по лагерю, проверю, не забыт ли здесь еще кто-нибудь кроме раненых...

В палатке, возле которой лежала уже привычная мне груда ампутированных рук и ног, я обнаружил двух покойников. Видимо, сбежавшие хирурги оперировали их последними, но так и не сумели спасти. Хотя этим двум бедолагам повело – они скончались до того, как фантерии изрубили их на куски. Прочим же раненым – а было их не менее сотни, – рассчитывать на такое везение не приходилось. Да и наша участь стояла под большим вопросом, ведь если южане полностью окружают лагерь, деваться нам будет некуда.

Ван Бьер вернулся ко мне, когда в лагере началась резня. Он рассчитывал, что до палатки на отшибе враги доберутся не сразу, но пятеро из них оказались чересчур приткими. Они застали бы нас врасплох, если бы кригариец не застал врасплох их. И порубил негодяев до того, как они вызвали подмогу...

А потом мы с кригарийцем выбрались из палатки и уда-

рились в бега... если, конечно, можно назвать бегом его хромоное ковыляние следом за тележкой. Я тащил ее изо всех сил, но она все равно была для меня тяжеловатой. Хорошо, что Баррелий не просто держался за бортик, но и подталкивал или, наоборот, притормаживал ее, когда было необходимо. Поэтому мы с ним не так быстро, как нам хотелось бы, но удалялись-таки от разыгравшейся позади нас кровавой вакханалии.

Куда именно удалялись? Пока это не имело для нас значения. Перво-наперво мы хотели добраться до ближайшего леса, и не загадывали наперед. Тем более, что мы все равно не знали, что ждет нас впереди...

Глава 2

Тропинка, по которой мы шли, не исчезла, а повела нас дальше, в лесные заросли. Ею давно никто не пользовался, и она почти заросла травой, поэтому и не раскисла после вчерашнего дождя. Однако следы на ней все равно оставались. И если враг отправит за нами погоню, примятая трава, а также отпечатки колес и сапог на непокрытых ею участках выдадут ему, куда мы отправились.

Кстати, отпечатки выдадут не только нас, но и тех, кто прошел здесь до нас вчера вечером или сегодня ночью. Даже мой неопытный детский глаз различил, что мы идем по следу небольшой повозки, которую тянул мул. А его в свою очередь вел под уздцы взрослый мужчина, обутый в охотничьи сапоги на тонкой подошве. Неизвестно, правда, как он прошел по столь неширокой тропе через лес. Но раз его повозка не застряла еще на опушке, значит, ему это удалось. А вот удастся ли нам, трудно сказать – мои тягловые усилия не шли ни в какое сравнение с мулыими.

– Хм... Похоже, что Зейн Ринар удрал из лагеря этой же дорогой, – рассудил ван Бьер, приглядевшись к следам, когда мы с ним очутились под покровом леса. – Что ж, я рад. Если наш охотник выбрал для бегства этот путь, он явно знал, в какую сторону безопаснее всего драпать.

– Зейн Ринар? – переспросил я. Я не подумал, что это мог

быть он, поскольку не обнаружил на тропе отпечатков детских сапожек – тех, что принадлежали его дочери Ойле, моей ровеснице. Но потом до меня дошло, что она могла не идти по земле, а ехать на козлах повозки, и я счел догадку Баррелия резонной.

– Он самый, кто же еще, – подтвердил монах. – Неплохо бы догнать его и дальше выбираться вместе – его лук был бы для нас нелишним. Однако, полагаю, ничего у нас не выйдет. Если Зейн и Ойла вышли еще затемно, они уже далеко отсюда.

Честно говоря, кригариец ошибался редко. Но в данном случае он не угадал: забыть о семействе Ринаров у нас не получилось. Вот только следующая наша встреча с этими малообщительными, но в целом неплохими людьми вышла слишком уж безрадостной.

Когда солнце приблизилось к полудню, и мы были почти уверены, что за нами нет погони, деревья на нашем пути начали редеть. По всем признакам, скоро мы должны были очутиться в горной долине. А там почти наверняка отыщутся идущие на север дороги или хотя бы тропы.

Настигнем мы «Вентум» или нет, оставаться в Промонтории тоже было не резон, ибо ничего хорошего это нам не сулило. В общем, настроение наше мало-помалу улучшалось, и ван Бьер даже забурчал под нос свою любимую солдатскую песню про красавицу Мари с большой задницей, как вдруг мы услышали пронзительный крик. Девчоночий. И разда-

вался он откуда-то совсем неподалеку.

– А ну с дороги! – велел мне монах, и я тут же скатил тележку с тропы под защиту деревьев.

– Кажется, это Ойла! – взволнованно прошептал я. – Точно, она! Больше никому!

– Сам слышу, – ответил ван Бьер, копаясь в тележке в поисках оружия. Его верный «эфимец» был при нем, но он решил, что одного меча ему сейчас недостаточно. Сунув себе за пояс легкий горский топор, кригариец также достал арбалет, но не оставил его себе, а взвел и вручил мне.

– Надеюсь, ты не забыл, как с ним обращаться? – осведомился он при этом.

– Издеваешься? – проворчал я. Шутка была откровенно неуместная, но в иной ситуации я бы непременно ей улыбнулся.

– Нет. Просто спросил. Не хочу, чтобы ты ненароком продырявил мне спину или кое-что пониже, – пояснил Пивной Бочонок. – Ну ладно, айда разведаем, что за дерьмо там стряслось.

Ойла теперь кричала не переставая, и от ее крика у меня волосы дыбом встали. Я не предполагал, что эта храбрая и уверенная в себе девчонка – иными словами, достойная дочь своего отца, – способна так блажить. Одно лишь это давало понять – Ринары угодили в большую беду. И то, что мы не слышали криков самого Зейна, тоже было плохим знаком.

Поднявшись на пригорок, мы узрели довольно мерзкую и

одновременно трагическую картину.

У его подножия на небольшой полянке, один край которой обрывался в пропасть, кроме семейства Ринаров находились еще шестеро человек. Все – в легких доспехах пехотинцев Григориуса Солнечного. Вроде бы среди них затесалась одна женщина – у южан, как и у островитян, такое было в порядке вещей. Хотя это мог оказаться и мужчина; издали было трудно определить наверняка.

Судя по всему, Ринары нарвались на дозор, встречи с которым мы тоже опасались. Он был из тех дозоров, что наблюдали за левым флангом наступающей армии промониторцев. Разве только мы не предполагали, что дозорные могут отойти от своих основных сил так далеко.

Увы, но встреча семейки охотников с фантериями закончилась неудачно – и та, и другие понесли потери. Зейн успел пристрелить двух южан из лука прежде, чем его самого пригвоздили копьём к дереву. Где он теперь и висел, уронив голову на грудь и изливая изо рта на землю тягучие струи крови. Его мул также был мертв – нарвался на стрелы, пущенные охотнику в ответ.

Дочери Зейна повезло больше, хотя назвать это везением, было, конечно, нельзя. Она выжила, но не смогла убежать и угодила в лапы врагам. После чего они решили призвать ее к ответу за гибель их соратников. Но не так, как они наказали бы, к примеру, ее отца, не погибни тот от их копья. Ойла должна была расплатиться с южанами иным способом.

Они сорвали с нее одежду и привязали к толстому дереву за руки и за ноги – почти что распяли, – а один фантерий уже топтался перед нею со спущенными штанами. Его приятели гоготали, отпускали похабные шутки и поторапливали его, видимо, дожидаясь своей очереди развлечься. А Ойла вопила и дергалась с такой силой, что грозила вывернуть себе связанные конечности. Что, по-моему, грозило стать сейчас наименьшей из ее бед.

При виде столь мерзкой сцены меня аж затрясло, и я едва не выстрелил из арбалета в спину голозадого южанина. Мне сразу вспомнились те поварихи и служанки, что были зверски изнасилованы и убиты во дворце моего отца той приснопамятной ночью. И вот теперь та же участь была уготована Ойле – девчонке, чей отец еще недавно брал меня с собой на охоту. Да и сама Ойла, уже наученная обращаться с отцовским луком, мне нравилась, пускай она и посматривала на меня, слабака, с легким презрением.

– Не дергайся, парень. – Заметив мою дрожь, Баррелий положил мне руку на плечо. – Стой здесь и жди. А как только я обнажу меч, стреляй в того негодяя, который будет дальше всех от меня и от Ойлы. Запомнил?

– Да, – кивнул я, шмыгнув носом. – Только ты поторопись, умоляю. Ты же не хочешь, чтобы эти звери... чтобы они... ну ты понял!

– Разумеется, не хочу, – подтвердил кригариец, проверяя, легко ли выхватывается засунутый на пояс горский то-

порик. – Терпеть не могу курсоров Громовержца и их священные книги. Но одно в них написано верно: насиловать детей – тяжкое зло, за которое грешника обязательно ждет расплата. Вот сейчас и проверим, так оно на самом деле или нет.

И он, хрустнув пальцами и помассировав больную ногу, начал спускаться с пригорка на поляну. Что стало бы для хромого серьезным испытанием, кабы не деревья. Хромая от одного дерева к другому, ван Бьер держался на них, не давая себе упасть и покатиться по склону кувырком.

Само собой, подкрасться к фантериям тихой сапой у него не вышло. Но он от них и не скрывался. Еще до того, как первый заметивший его южанин указал на него пальцем, монах подал голос и известил всех о своем приближении.

Только сделал он это, на первый взгляд, донельзя странно. – Помогите! – закричал Баррелий, торопливо спускаясь по склону. В голосе его слышался недюжинный испуг. – Прошу вас, помогите! Хвала господу, добрые сиры солдаты, что я вас встретил! Там!.. – Он ненадолго остановился и, опершись на дерево, указал в обратном направлении. – Там – эфимцы! Человек тридцать крадутся по лесу, а то и больше! Они хотели меня прикончить, когда я их увидел! Помогите, добрые сиры! Эфимцы за мной гонятся! Они убьют меня, когда поймают!

Двое южан сей же миг выхватили мечи, а один натянул тетиву лука, нацелив стрелу на ван Бьера. И лишь голоза-

дый насильник (к счастью, пока вроде бы несостоявшийся) запрыгал на месте, пытаясь развернуться лицом к крикуну и одновременно подтянуть штаны. Что выглядело бы не так смешно, кабы он при этом не волновался и не делал уйму неуклюжих лишних движений.

– А ну стой на месте, ублюдок! – приказал Баррелию чернобородый фантерий, самый старший из всех, что выжили в схватке с Зейном. – Стой, кому говорю!

Кригариец уже спустился со склона. Но не остановился, как ему велели, а лишь заковылял медленнее. Затем чтобы промониторцы видели – он им подчинился, – но в то же время он шаг за шагом продолжал к ним приближаться.

– Эфимцы! Там! – Ван Бьер снова указал на вершину пригорка. – Уже близко!

– Эй, а ты сам-то кто такой будешь? – любопытствовал чернобородый, глядя туда, куда тыкал пальцем монах.

– Я-то? – переспросил Пивной Бочонок. – Да я лесоруб из ближайшей деревни! Вот пошел в лес за хворостом и наварвался на проклятых эфимцев!

– Из деревни?! Какой деревни? Что еще за деревня? – удивился фантерий и переглянулся с соратниками. Похоже, монах сморозил глупость, и никаких деревень в округе не было.

– Да Гном ее знает! Я еще не придумал ей название. – Голос кригариийца обрел прежнее ледяное спокойствие, и я понял, что устроенный им спектакль окончен. А затем у него в руке вдруг появился топорик, который в следующее мгно-

вание уже летел в лучника.

Баррелий не впервые на моей памяти проделывал такие выкрутасы. Поэтому я не удивился, когда его бросок достиг цели. Лучник даже не успел спустить тетиву – она лопнула, перебитая летящим топором. Который затем вонзился ему в череп аж по самый обух, разрубив лицо от левого глаза до правого угла рта. После чего лучник, прыснув кровью и обломками зубов, отшатнулся назад и грохнулся навзничь. А вылетевший у него из руки, поврежденный лук огрел по плечу стоящего за ним чернобородого.

– Ах ты!.. Ах ты!.. – Тот буквально захлебнулся яростью. – Ах ты, выродок! Издохни, сука!

И, вмиг оправившись от потрясения, первым ринулся на ван Бьера...

«Стреляй в того, кто будет находиться дальше всех от меня и Ойлы», – наказал он мне перед этим. И я в точности исполнил его наказ, выпустив болт в фантерия, что стоял по правую руку от насильника и подначивал его пуще всех.

Обидно, но блеснув меткостью в предыдущий раз, когда мне довелось стрелять из арбалета по живой мишени, сегодня я дал маху. И ладно, попади я южанину хотя бы в ногу или задень его вскользь. Увы, мой выстрел пришелся мимо цели – болт вонзился в землю, не долетев до нее пару шагов. Единственное, чего я добился, так это напугал фантерия. И он шарахнулся за ближайшее дерево, решив, очевидно, что на пригорке засел не один арбалетчик, а несколько.

Его соратник, который в этот момент застегивал штаны, тоже все это видел. Испуг товарища подействовал на него заразительно, и он отскочил за другое дерево, тоже опасаясь угодить под обстрел.

Короче, несмотря на то, что я облажался, мне все равно удалось помочь ван Бьеру. Кабы не моя стрела, на него на-кинулись бы сразу три противника. Но благодаря мне он сошелся с чернобородым один на один. Что при его хромоте являлось для него самым удачным раскладом.

Подобно спрятавшимся от стрел фантериям, кригариец тоже прибегнул к помощи дерева. Подскочив к ближайшей сосне, он сделал несколько обманных движений вправо-влево, словно предлагая чернобородому поиграть с ним в догонялки. Но тот не принял его предложение. Не став метаться, южанин замер на месте. И, выгадав момент, нанес удар. Так, чтобы выпрыгнувший из-за ствола «лесоруб» сам напоролся на острие его меча.

Однако случилось непредвиденное. Баррелий не просто выпрыгнул перед фантерием, но и, изловчившись, придавил своим клинком клинок противника к дереву. Чернобородый рванулся назад, но было поздно – другой рукой монах уже поймал его за край металлического наручня. И, придержав южанина на месте, рубанул наотмашь ему по шее.

«Эфимец» прошел сквозь вражеские плоть и кость и вонзился в древесный ствол. Голова чернобородого еще пару мгновений продержалась на плечах, а затем, кувыркнув-

шись, упала на землю. Куда потом упало и тело, но кригари́йца в этот момент там уже не было. Хромая, он торопился к ближайшему прячущемуся за деревом южанину. Вернее, уже не прячущемуся, а бегущему ему навстречу. Так и не дождавшись ливня стрел, этот фантерий жаждал поквитаться с «лесорубом» за гибель своего командира.

Я следил за ними с возвышенности, но так толком и не понял, что там произошло.

Промониторец налетел на Баррелия с занесенным мечом, Баррелий отшагнул вбок... а затем промониторец рухнул пластом на землю, продолжая держать меч в вытянутых перед собой руках. Так, будто лежа указывал на что-то острием. Разве что его ноги мелко подергивались, и из шеи у него била похожая на родничок, струя крови.

Только монаха не интересовало, на что был направлен этот указатель. Проходя мимо Зейна, он вырвал копье, что торчало у мертвеца в груди. И когда последний враг – надевший таки штаны насильник, – тоже с криком выскочил из-за дерева, ван Бьер просто швырнул в него копье, не дав ему сделать и трех шагов.

Кригари́йца и его врага разделяло небольшое расстояние. Но его бросок был таким мощным, словно цель находилась от него на другом конце поляны. Копье пронзило южанина насквозь и вышло у того из спины аж на половину своей длины. Крик насильника резко оборвался, и он, захрипев, попятился назад, стараясь из последних сил удержаться на ногах.

Разумеется, ему бы это не удалось. Однако прежде чем его ноги подкосились, он дошагал, шатаясь, до края пропасти. Куда и рухнул, наверное, даже не поняв, что с ним стряслось. И, возможно, умерев еще до того, как его мозги и внутренности разбрызгало по камням.

А Баррелий, позволив себе наконец-то расслабить больную ногу, вонзил окровавленный меч в землю, оперся рукой о дерево и замер, переводя дух.

– Помогите! – вновь напомнила о себе Ойла, криков которой во время боя мы не слышали. – Отец! Там мой отец! Да помогите же мне!

Баррелий поднял голову и посмотрел на связанную голую девчонку так, словно впервые ее заметил. После чего поморщился – на самом деле голос у Ойлы был красивый, но не тогда, когда она истошно вопила, – подобрал «эфимца» и, подойдя к дереву, разрубил ей путы...

Глава 3

– Прости, я облажался. – Я потупился и виновато развел руками. – Вроде бы целился как надо, но ветер слишком сильно дунул в лицо, вот стрела и не долетела...

В ответ на мои оправдания кригариец лишь махнул рукой: дескать, забудь; никто не пострадал, так что все в порядке. Теперь он сидел, прислонившись спиной к дереву, массировал больную ногу и наблюдал за Ойлой, которая рыдала над телом отца. Она была убита горем и даже не обращала внимания на то, что все еще голая. А это было нехорошо. Зимы в Промонтории теплые, но простудиться здесь все равно раз плюнуть.

– И что дальше? – спросил я у ван Бьера. – Мы же не оставим ее здесь одну?

– Оставим, разумеется, – ответил монах. – О, насчет Ойлы не переживай. Она – это ведь не ты. Отец научил ее охотничьим премудростям, и лес ей дом родной. Плохо, конечно, что у нее больше нет мула. Зато все вещи при ней, так что с голодухи она не помрет.

– О чем таком ты говоришь?! – возмутился я. – Да ты посмотри на нее! Разве похоже на то, что она может о себе позаботиться?

Голая Ойла, обнимающая своего мертвого отца и рыдающая в голос... Для мальчишки, который не так уж давно по-

терял при схожих обстоятельствах своего отца, видеть это было невыносимо.

– Ничего, поплачет и успокоится, – заверил меня Баррелий. – Тяжелая утрата, кто бы спорил. Мне жаль, что все так обернулось, и что мы не догнали Ринаров до того, как они наткнулись на южан. Но человек смиряется и не с такими ударами судьбы, поверь. Хотя кому я об этом рассказываю! Ты же сам через все это прошел!

– Мы должны помочь Ойле! – отрезал я. – Зейн был хорошим человеком! И если бы вдруг что-то случилось с тобой, он наверняка не отказался бы помочь мне!

– Э, нет! Никому мы тут ничего не должны! – помотал головой Баррелий. – Исключено! Я уже нянчусь с одним вредным ребенком, хотя свой должок его покойному отцу я выплатил! И быть твоей нянькой не доставляет мне большой радости, уж извини! А ты вместо того, чтобы уважить мой труд и быть покладистым, предлагаешь мне взять под опеку еще одну малолетнюю бестию! Ни за что! Даже не упрашивай!

– Но ты сам только что сказал, что Ойла не нуждается в опеке, – напомнил я. – А раз так, значит, она не станет для нас обузой!

– Да я... Да ты... Да о чем тут вообще спорить! – Пойманный на слове кригариец запутался в мыслях и не нашелся, чем возразить. – Все, баста! Разговор окончен! Сейчас я малость передохну, и мы идем дальше. А Ойла останется здесь

– у нее теперь без нас забот хватает.

– Ах так! Вот ты как, да? Ну в таком случае дальше иди один! – отрезал я. – А я остаюсь с Ойлой! И буду приглядывать за ней столько, сколько потребуется!

И я, развернувшись, направился к повозке охотников.

Забравшись в повозку, я отыскал среди вещей одеяло, после чего выбрался обратно, подошел к рыдающей Ойле и накинул одеяло ей на плечи.

Она вздрогнула так, будто я не просто коснулся ее, а ударил.

– Извини, – пробормотал я, отшагивая назад. – Просто здесь холодно, ты можешь простудиться. И мне это... очень жаль сира Ринара. Я знал его совсем недолго, но он всегда был добр ко мне... Прими мои соболезнования, в общем, ладно?

И я, отступив еще немного, уселся на землю неподалеку от нее. Даже не знаю, зачем. Вряд ли ей требовались мои утешения. Видимо, я лишь хотел подчеркнуть – на случай, если она слышала мои пререкания с Баррелием, – что я не поддерживаю его точку зрения. И что готов помогать ей и дальше, если она меня попросит.

Ойла ничего не ответила и отвернулась. Но одеяло не сбросила, а, наоборот, закуталась в него поплотнее. Несмотря на горе, она все-таки чувствовала холод и уже стучала зубами. Так что моя забота о ней оказалась вовсе не лишней, что бы ни говорил ван Бьер насчет ее самостоятельности.

А кригариец сидел и молча наблюдал за нами, очищая пучком травы «эфимец» от крови. Который он в итоге так и не дочистил, потому что вскоре его хваленая невозмутимость дала трещину.

– Большая Небесная Задница! Да пропадите вы все пропадом! – Монах в сердцах сплюнул и, хватаясь за дерево, начал неуклюже подниматься с земли. – Вот же свалилось на мою голову еще одно проклятье!.. Ладно, парень, иди-ка прикати сюда нашу тележку, а я пока разведу костер. Вряд ли поблизости шастает второй такой дозор, так что, думаю, мы можем тут ненадолго задержаться...

Баррелий был той еще сволочью, и я не удивился бы, оставь он нас с Ойлой здесь и продолжи путь один. Но я уже знал, где в броне его хладнокровия сокрыты уязвимые места. И умел, когда надо, по ним бить.

Если бы я слезно упрашивал монаха проявить к Ойле то же сострадание, которое однажды монах проявил ко мне, он ни за что не отступился бы от своего мнения. Но я зашел от противного – продемонстрировал ему свой характер. И то, что я готов обойтись без него, раз иначе никак. А такой подход к ван Бьеру, по моему опыту, был куда действеннее. Воспитанный в суровости кригарийского монастыря, он ненавидел слабость во всех ее проявлениях. И испытывал гораздо больше симпатии к людям, которые не давили ему на жалость, а, напротив, показывали, что не нуждаются ни в чьей поддержке.

Когда я вернулся, Баррелий уже сбросил трупы фантериев в пропасть и, набрав сухой травы, коры и веточек, раздувал костерок с помощью огнива, позаимствованного в повозке Ринаров. А когда огонь разгорелся, я без напоминания соорудил к тому времени вертел и насадил на него несколько кусков солонины из наших запасов. Которую и взялся жарить под молчаливое одобрение кригари́йца, также нашедшего себе занятие по душе – вытащив из тележки бутыль бренди, он начал понемногу к нему прикладываться.

Этой выпивкой он разжился после одной из побед «Вентума», но пить ее в лагере не стал – слишком крепкой она была. Зато теперь, когда ван Бьер не подавал дурной пример новобранцам и не боялся нарваться на гнев офицеров, он наконец-то позволил себе отведать желанный трофей.

Жаль только, что повод для откупоривания бренди выдался слишком печальным.

Ойла больше не плакала, а, закутавшись в одеяло, сгорбилась над телом Зейна и отрешенно глядела в одну точку. Я обернулся и хотел позвать ее к костру, но монах схватил меня за рукав и, поднеся палец к губам, сказал полушепотом: – Не трогай ее, не надо. С ней все в порядке. Это пройдет. Просто дай ей время побыть одной и успокоиться.

Я лишь пожал плечами и вернулся к жарке мяса. Спорить с Баррелием в таких вопросах было глупо. Он насмотрелся на убитых горем женщин гораздо больше меня, и знал, о чем говорил.

И действительно, едва аромат поджаренной солонины разлетелся по поляне, как Ойла зашевелилась под своим одеялом, потом повернула голову и стала исподлобья глядеть на нас. Взгляд ее заплаканных глаз тоже немного оживился, хотя дружелюбия в них по-прежнему не замечалось. Наверное, точно также и я глядел на ван Бьера после ночной резни, в которой погиб мой отец, а я был вынужден навсегда покинуть родной Дорхейвен, став бродягой без роду и племени...

Но как бы то ни было, холод и голод побороли горе Ойлы Ринар. И она, подойдя к костру, уселась возле него так, чтобы греться и при этом держаться подальше от нас с монахом. Высунув из-под одеяла одно лишь лицо, она нашла себе новую точку для созерцания, которая находилась где-то среди пляшущих языков пламени. Памятуя совет Баррелия, я не хотел тревожить Ойлу вопросами, но оказалось, что самому себе он был не указ, и поинтересовался у нее:

– Эти мерзавцы... они... хм, как бы правильнее сказать... – Это был тот редкий случай, когда беспардонный кригариец вдруг ощутил неловкость. – Тот мерзавец, что снял перед тобой штаны... он успел сделать тебе больно или нет?

Я решил было, что Ойла не ответит, но она, не отрывая глаз от костра, все же помотала головой. Причем довольно уверенно, а, значит, память ее не подводила.

– Что ж, ясно, – кивнул ван Бьер и в очередной раз приложился к бутылке. Так, словно бы выпил за то, что девчон-

ке повезло избежать насилия. После чего, указав на повозку, посоветовал: – Ты бы все-таки оделась, а то здесь прохладно.

Не говоря ни слова, Ринар кивнула. Однако одеваться не пошла, а осталась сидеть с нами.

К этому времени немного остыло мясо, которое я снял с вертела перед ее приходом. Наколов на палочку кусок и отломив краюху от ржаного каравая, я протянул их Ойле, но она отказалась, вновь помотав головой. После чего, высунув руку из-под одеяла, неожиданно попросила другое угощение – указала на стоящую рядом с монахом бутылку.

– Что, серьезно? – удивился Баррелий. – А не рановато тебе баловаться такими вещами?

Вместо ответа Ринар продолжала настойчиво тянуть руку к бренди.

– Ну, как знаешь, – не стал упорствовать ван Бьер. – В другой бы день точно не разрешил и еще по рукам отшлепал. Но сегодня день такой, что дерьмовее не придумаешь, так что, пожалуй, можно.

И он передал Ойле бутылку.

Подобно завзятому пропойце, Ринар жадно припала к горлышку и сделала большой глоток...

...После чего выпучила глаза, что те едва не вывалились из орбит и, упав на четвереньки, приснула выпивкой прямо в костер. Он тут же фыркнул ей в ответ яркой вспышкой пламени, но Ойла даже не вздрогнула. Продолжая стоять на коленях, она яростно отплевывалась и издавала нечленораз-

дельные звуки.

От неожиданности я подскочил с камня, на котором сидел. Но ван Бьер, кажется, был готов к такому повороту событий. И успел выхватить бутылку из рук Ойлы за миг до того, как она уронила бы ее на землю. После чего тут же сунул под нос незадачливой пьянчужке фляжку с водой.

– Пей! – приказал он ей. – Пей и полощи горло! Не бойся, это простая вода, она не укусит.

Ринар схватила фляжку обеими руками. И, не обращая внимание на то, что она, выпав из-под одеяла, вновь предстала пред нами нагая, взялась усердно промывать себе рот. На что у нее ушла вся фляжка целиком – невиданное расточительство питьевой воды по меркам бережливого монаха.

– Что... это... было? – спросила Ойла, когда мало-мальски оклемалась и к ней вернулся дар речи.

– Превосходный тернийский бренди, – просветил ее Баррелий. – Самая ядреная выпивка, которую можно найти на севере Промонтории. Даже не знаю, каким местом я, старый дурак, думал, когда угощал тебя этим пойлом... Ну да ладно, ты выжила, и это главное.

И он, словно бы издеваясь над страдальцей, отпил у нее глазах из бутылки большой глоток.

– Я думала... думала... – Ринар несколько раз спазматически икнула, но, к счастью для всех нас, ее не стошнило. – Я думала, это простое вино. Отец угощал меня как-то вином – оно было сладким, и мне понравилось... Отец угощал...

Упомянув об отце, она вновь залилась слезами. Правда, без стенаний. На сей раз у нее из глаз текли обычные слезы, которые было не зазорно проливать любой девчонке. Хотя при взгляде на них мое сердце вновь наполнилось такой беспросветной тоской, что еще чуть-чуть, и я разрыдался бы вместе с Ойлой.

Продолжая всхлипывать и шмыгать носом, она отдала кригариюцу пустую фляжку, снова накинула на себя одеяло и вернулась на прежнее место. Какое-то время мы просидели в угрюмом молчании, после чего ван Бьер вновь обратился к ней:

– Прости мое любопытство, но я должен спросить: у тебя остались родственники, которые могут тебя приютить?

– В Этельберге у меня живет дядька, но... – Ринар поморщилась. – Но я лучше буду бродяжничать, чем соглашусь жить в его семье. Он – настоящий злыдень, его жена – тварь, каких поискать, а их дети... в смысле мои кузены просто конченные придурки.

– Бродяжничать в твои юные годы не так-то приятно, как тебе кажется, – заметил Баррелей. – Зато с родственниками всегда можно помириться. Ну или на худой конец найти с ними общий язык.

– С этими – никогда! – Ойла помотала головой. – Да и не собираюсь я с утра до ночи дергать у них на огороде сорняки, чистить их свинарник и дважды в неделю распевать с ними гимны в храме Громовержца. Отец учил меня охотиться, а

не горбатить спину в поле и на скотном дворе. Так что если полковник Шемниц возьмет меня с собой, я пойду с ним. А он наверняка меня возьмет, ведь я стреляю из лука и читаю следы не хуже моего отца.

– Полковник Ульбах Шемниц? Командир Шестой когорты... вернее, того, что от нее осталось? О чем это ты? – не понял ван Бьер.

– Как о чем? – не поняла в свою очередь Ринар. – А вы разве идете не к Дырявой скале, где полковник Шемниц собирает своих людей?

– Вообще-то нет, – признался монах. – Мы не выбирали эту дорогу. Она была единственная, по которой нам удалось скрыться от южан. А вы с отцом, значит, не покидали «Вентум», раз шли на встречу с сиром Ульбахом и остатками его когорты?

– И да, и нет, – уточнила Ойла. – Шемниц больше не командует своим войском. Ему поручили секретное задание, и он набрал для этого новый отряд. Отца тоже туда зачислили. И завтра мы должны были прибыть на место сбора к Дырявой скале.

– Вот как? – удивился Баррелий. – И что это за задание, если для его выполнения не сгодились легионеры?

– Я же сказала – оно секретное, – шмыгнув носом, повторила охотница. – А, значит, мне о нем знать не положено. Отец не хотел, чтобы я нечаянно сболтнула об этом раньше времени. Вот и пообещал, что расскажет мне, куда мы едем,

лишь после того, как мы встретимся с Шемницей... Я и вам не имела права ничего говорить, да только все равно не удержалась и проболталась.

– Насчет нас можешь не беспокоиться, – обнадежил ее кригариец. – Мы умеем держать языки за зубами и никому не выдадим твой секрет. Верно, Шон?

– Не выдадим, – подтвердил я. И поинтересовался. – А далеко отсюда эта Дырявая скала?

– Нам велели приехать туда завтра утром, – ответила Ринар. – На развилке, что будет за этим лесом, надо повернуть не на юг, а на запад, и та дорога приведет напрямик к скале.

– Хм... На юг нам с Шоном тоже нет резона переться, – рассудил ван Бьер. – Так что, похоже, мимо Дырявой скалы мы не пройдем. Вопрос в том, кого еще кроме сира Ульбаха мы там встретим, если не его легионеров. Ты собираешься вступить в его отряд и не знаешь, в чьей компании окажешься? Не верю. Уж такие-то подробности твоему отцу было незачем от тебя скрывать.

– Отец говорил, что полковник Шемниц взял для этой работы наемников, – с неохотой, но все же призналась Ойла. – Не трактирный сброд, а настоящих. Вроде тебя.

– Неужто кригарийцев? – Пивной Бочонок недоверчиво нахмурился.

– Нет, не их, – помотала головой Ринар. – У командира этих наемников такое забавное имя... Не могу точно вспомнить, но что-то похожее на Мешок или Тюк...

– Может быть, Бурдюк? – предположил монах. – Аррод Бурдюк?

– Ага, он самый, – закивала Ойла. – Ты его знаешь?

– Да кто же из нашего брата-наемника его не знает! – хмыкнул ван Бьер. – Плечом к плечу я с ним не воевал, но много о нем наслышан. Если ты говоришь правду, и сир Ульбах получил под свое командование отряд Бурдюка, значит, дело и впрямь намечается серьезное... Не понимаю только, зачем им можешь понадобиться ты, ведь у Аррода есть свои следопыты, и не самые худшие... Впрочем, по дороге к Дырявой скале у нас будет время над этим поразмыслить. А сейчас, маленькая леди, давай-ка поешь, а потом мы с тобой займемся похоронами. Зейн был славным человеком и заслуживает того, чтобы его зарыли в могиле, а не бросили на пир воронам... Да и мне, пожалуй, на сегодня хватит. Нельзя с непривычки заигрывать с тернийским бренди – так и поражение потерпеть недолго.

И ван Бьер, отхлебнув напоследок из бутылки, решительно запечатал ее, а затем отдал мне, дабы я отнес ее обратно в тележку...

Глава 4

Само собой, что мы при всем желании не могли добраться до Дырявой скалы на следующее утро. И потому что шли туда пешком, и потому что потратили много времени на погребение Зейна Ринара, ведь среди нас не было ни одного полноценного могильщика. В повозке у охотников нашелся заступ, но работать им Баррелию мешала больная нога, а нам с Ойлой – отсутствие силенок. Вот мы и ковыряли по очереди заступом каменистую землю, прежде чем выкопали более-менее глубокую яму. Где и упокоили навек бедолагу Зейна, коему повезло лишь в том, что его было кому оплакивать. И еще в том, что его дочь легко отделалась, выйдя из этой передряги целой и невредимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.